

— Сегодня Итачи попросил остаться с ночевкой у Шисуи-куна. Что ты об этом думаешь? — Спросила Микото, и Фугаку оторвался от документов, которые составляли ему компанию за завтраком почти также, как и сын с супругой.

— Завтра ведь выходной? — Уточнил он, в уме уже прикидывая что и к чему. С одной стороны, он не так много времени проводил с сыном, а с другой... взгляд снова вернулся к фигуре жены. На его вопрос она кивнула и он, на мгновение задумавшись, ответил. — Да, конечно. И, если есть возможность, скажи, чтобы Шисуи-кун не торопился возвращать Итачи в родные пенаты... Он и так слишком много времени проводит дома и на тренировках.

Микото ласково улыбнулась, кивая, и Джонатану почему-то расхотелось идти на работу. За последнее время она слишком часто улыбалась ему так...

— Кстати... ты уже опаздываешь. — Вдруг посмотрела на часы жена, продолжая мыть посуду.
— И да, сегодня утром пришло послание от Минато-куна, он просил тебя о встрече.

Когда Микото говорила «Хокаге» — это значило, что его вызвали в Резиденцию и послание официальное, т.е. вызов на ковер, а когда «Минато-кун» — значит Намикадзе просил (именно просил, так как по прежнему оставался бесклановым) о встрече в неформальной обстановке. В последнее время отношения между Фугаку и Минато стали гораздо лучше — время от времени они даже ходили в Ичираку, разговаривая обо всем на свете.

— Говорил что-либо о времени?

— Речь шла о вечере, после тренировки его команды. Если тебе неудобно, то Минато-кун предложил тебе посетить тренировку его учеников, или до неё.

— Ммм, почти сразу после срочного совета старейшин. Просьба Минато как-то связана с погибшим членом клана Учиха в его команде? Слышал, что старейшины так переполошились из-за того, что наследник Хатаке получил наше додзюцу.

— Да, — немного уклончиво ответила Микото. — Куши-чан очень просила за Какаши. Она и сама очень расстроена гибелью Обито.

Фугаку невольно поджал губы. Видимо, его решили дожать сразу со всех сторон в деле, связанном с Обито Учиха. Вот только старейшины (насколько он уже успел их изучить) будут настаивать на возвращении кланового додзюцу, а Минато (Хокаге), Кушина (джинчурики) и Микото (жена) — на том, чтобы он позволил Какаши сохранить последний "дар" своего друга. Что-то, а этот вопрос поднимался уже три раза, так что Фугаку уже был в курсе деталей дела, но каждый раз что-то происходило и его откладывали на следующий раз. Но если уж сейчас старейшины так переполошились, значит где-то Хатаке уже блеснул Шаринганом. Джонатан вздохнул и ответил.

— Я сделаю все от меня зависящее, но сама знаешь...

— Сначала клан, потом личные желания, — кивнула Микото, целуя его в щеку на прощание и, кажется, задержавшись в его объятиях гораздо дольше положенного. — Я все понимаю и не прошу больше необходимого.

— Шаринган — это достояние нашего клана. — Пылко говорил тот самый старейшина, который на "выборах" Главы проявил себя как весьма вспыльчивый и громкий человек. — Мы не должны позволить кому-то другому не только пользоваться, но даже иметь его!

— Шаринган — это просто додзюцу, которое тянет силы и чакру. Да, это особенная способность нашего клана, но далеко не смысл его существования. — Холодно отчеканил в ответ Фугаку. — И раз уж вы заговорили о клане, уважаемый старейшина Ю, то давайте вспомним, к какому клану принадлежал покойный Обито. Разве не к клану Учиха?

— К чему вы ведете, глава? — Слегка отступил старейшина Ю.

— К тому, что Обито был членом одного из самых сильнейших и гордых кланов Конохи, и человек, которому он доверил свой Шаринган, явно не может быть плохим и недостойным этого самого доверия.

— Со всем моим уважением к вам, молодой глава, — подчеркнул слово «молодой» старейшина с ледяным взглядом и нечитаемым выражением лица. Сейчас от него так и фонило ледяным спокойствием и непримиримостью. — Вы не можете утверждать, что Обито Учиха принадлежал нашему клану в полной мере. При жизни мальчик был известен несвойственной нашему клану добротой и лояльностью к своим сокомандникам и сенсею в частности. Мы не можем быть уверены в том, что мальчик отдал свой Шаринган в трезвом уме и памяти.

— То есть вы утверждаете, что на члена нашего клана воздействовали психически, запрограммировав на то, чтобы он отдал им додзюцу? — С любопытством уточнил Фугаку. — Или считаете, что он был более лоялен сенсею и команде, чем воспитавшему его клану?

— И то, и другое. — Коротко вставил старейшина Айчиро, тот самый, который до сих пор вызывал дрожь своим холодным, властным взглядом и манерами «истинного» Учиха.

— И вы считаете, что я не смог этого разглядеть, хотя несколько раз контактировал с мальчиком? Или, может быть, вы считаете, что я чрезмерно доверяю Хокаге, чтобы утверждать о добровольной передаче Шарингана? О, или вы думаете, что от потери всего одного глаза наш клан рухнет и растворится во времени? — В конце Джонатан уже не скрывал сарказма, откровенно наслаждаясь загружившими старейшинами. Почему-то они начинали его раздражать. Как-то так получилось, но после его назначения на пост главы, но руки так и не дошли до реформирования Совета Старейшин.

— Вы не так поняли нас, глава, — вдруг заговорил старейшина Шибачи. — Мы не считаем, что

ваше мнение ошибочно и доверяем как вашим доводам, так и Йондайме Хокаге, сомнений не вызывает и добровольность передачи додзюцу, что бы там не говорили Ю и Айчиро, — Шибачи строго посмотрел на указанных старейшин. — Однако вы должны понимать, что Шаринганом могут пользоваться только члены нашего клана, и опасения вызывает способность Хатаке Какаши справиться с новой силой. Также Шаринган всегда вызывал интерес, и мы не можем быть уверены в том, что мальчик получит должную защиту.

— Клан Хатаке остался жив только в мальчике по имени Какаши. — Вдруг пришла идея Фугаку, поэтому он начал говорить медленно, тягуче, заставляя старейшин проникнуться. — Он сирота, к тому же джонин, который почти никого не подпускает к себе кроме Нохара Рин и сенсея, который в то же самое время и Хокаге. У него недавно погиб друг из клана Учиха, и от него же получил наше додзюцу. Он догадывается о том, что мы не позволим ему сохранить этот дар, поэтому весьма настороженно относится к Учиха в целом, но что если поступить... немного умней? Мы можем не только позволить ему сохранить Шаринган Обито, но и, как выразился старейшина Шибачи, защитить его и помочь с развитием. И, если посмотреть на плюсы этого действия, то они перевешивают все минусы. Нам ведь не обязательно обучать его клановым секретам, всего-то допустить до первого-второго уровня, которому обучают нашу молодежь, дать доступ к общей библиотеке, и сделать вид, что мы допустили его до чего-то очень сокровенного... хотя большинство членов нашего клана действительно будут оскорблены, но так будет даже лучше. А вот теперь посмотрим, к чему это приведет: Какаши Хатаке сохранит Шаринган, а учитывая то, что это последний дар его друга, он это оценит. Потом он получит доступ к знаниям клана, мы от этого немного потеряем, а он подумает, что мы допустили его до сокровенных тайн, а это значит, что он будет испытывать чувство долга. Ну а учитывая теплые отношения моей супруги с Кушиной-сан, которая в хороших отношениях с его сенсеем и с ним соответственно, доверия к нам у него будет больше. Вывод напрашивается сам: легче позволить Какаши развивать Шаринган с нами, чем чинить ему препятствия.

Задумчивый вид старейшин свидетельствовал о том, что они услышали его и идея пришлась им по вкусу... вот только это означало и то, что теперь черта-с два они отпустят его куда-либо, пока не выжмут из идеи все соки, не построят график и не составят список того, к чему можно допустить внепланового обладателя Шарингана. Видимо, до этих пор они даже не рассматривали возможность протекции над таким как Какаши, стремясь не дать кому-либо получить их додзюцу.

В тишине Джонатан снова задумался о том, почему же местные так сильно цепляются именно за Шаринган, ведь у других кланов тоже есть удивительные особенности, которые в некоторых случаях даже круче, чем глазки Учиха. Но вскоре его мысли плавно перетекли к Микото, ее девичьей красоте и мыслях о том, как можно воспользоваться тем, что Итачи не будет дома...

Какаши, тот самый мальчуган лет тринадцати с маской на пол-лица, смотрел очень и очень настороженно, словно считывая каждое движение Фугаку. Которому от этого взгляда становилось то ли смешно, то ли грустно. Нохара Рин, обычная девочка с фиолетовыми полосками на лице, смотрела менее настороженно, но более боязно. Она испытывала вполне здоровое опасение, видя перед собой главу клана, к которому принадлежал ее погибший сокомандник.

Если говорить начистоту, Джонатану откровенно претило то, что в Конохе на войну отсылали детей. Ради какой-то Воли Огня, ради победы, ради массы они отсылали практически неподготовленных к крови и жестокости детей. Даже клановые ребята, которых с самого детства приучали к мысли об убийствах как о нормальном явлении, долго отходили после первых битв и сражений (так, по крайней мере, рассказывал Дазай, побывавший в гуще сражений, а потом и на полевых работах с детишками лет двенадцати-тринадцати). Поэтому перед Какаши и Рин он испытывал ни что иное как сожаление. Кто знает, что эти дети пережили, кто знает, с чем им пришлось столкнуться? Да, возможно для этого мира это нормально, но для него это по-прежнему оставалось чем-то диким, неправильным.

«И на эту же гребанную войну тот Фугаку потащил Итачи.» — Услужливо напомнила ему память, когда он встретился взглядом с Хатаке, в какой-то миг он почему-то увидел глаза своего сына, словно это он смотрел на него с дикой, невыносимой болью, осуждением и непримиримой гордостью.

Таков мир шиноби — фраза, которую постоянно говорила Тсуме, когда они тренировались. Инзука тоже убеждала себя в этом. И в этом пришлось убеждать себя Фугаку.

Рядом с Какаши появился Минато, ласково улыбаясь и опуская руки на плечи своим ученикам.

— О, Фугаку, — он кивнул ему. — Вы пришли даже раньше, чем я ожидал.

— Не люблю тратить время попусту. — Ответил на кивок Джонатан. Сальери уже убедился, что Минато открытый, добрый человек, умеющий думать и принимать собственные, независимые решения. Однако опасения вызывало его окружение. Джонатан не знал, доверяет ли Минато Третьему Хокаге настолько, чтобы делиться с ним всеми своими наблюдениями... и это создавало в их отношениях то самое напряжение, которое приходилось как-то сглаживать каждую встречу.

— Оу, — Минато немного удивился. — Я думал поговорить за ужином в Ичираку, мы после тренировки (сенсей ласково потрепал учеников по волосам), но если...

— Тогда приглашаю вас к себе на ужин. — Почти сразу же нашелся Фугаку. — Итачи как раз ушел в гости, а Микото собиралась пройтись с Кушиной и остальными по магазинам, так что неудобств вы не доставите.

— Думаю, что от такого приглашения не стоит отказываться, — обратился к ученикам Намикадзе, и дети почти одновременно кивнули. Вот только если Нохара, хоть и смотрела с опаской, но уже более любопытно, то Какаши почти показательно опустил руку на подсумок с кунами, что на языке шиноби означало: «живым не дамся».

Вечер прошел гораздо лучше, чем того ожидали взрослые. Какаши, хоть и был постоянно

насторожен, поняв, что у него не собираются силой выдирать Шаринган, немного расслабился. Рин с любопытством изучала дом главы целого клана. В ее глазах легко читался восторг, хотя при особо громких звуках или шорохах она вздрагивала и мимолетно касалась подсумка. Вот что с детьми делает война: они перестают быть детьми.

Когда посуда была вымыта, и гости переместились в гостиную, Фугаку решил перейти к разговору, ради которого, собственно, Минато и попросил о встрече.

Дом главы был большим. В нем было просторно, спокойно и, благодаря Микото, очень уютно. Поэтому и большая гостиная, что находилась на первом этаже, не вызвала ощущений пустоты или дискомфорта. Множество татами, покрытых покрывалами окружали небольшой домашний очаг, а сидзи до сих пор пропускали и мягко рассеивали по комнате лучи вечернего солнца.

— Итак, — когда все расселись вокруг очага, начал Фугаку. На руках у каждого была чашечка чая, но даже так он умудрялся выглядеть немного сурово и даже строго (спасибо внешности). — О чем ты хотел поговорить, Минато?

— На самом деле, — мягко улыбнулся тот, кивком головы указывая на Какаши. — С вами хотел поговорить мой ученик, Какаши Хатаке. Но не знал, как можно попросить вас о приватном разговоре.

«Приватный разговор в Ичираку?» — Вдруг вспомнил Джонатан первоначальный план. — «Либо он совсем не приватный, либо малец просто не знает где еще можно нормально поговорить.»

— Я слушаю. — Сальери перевел взгляд на Какаши, стараясь сохранить прежний, равнодушный тон... что увы, не удалось. Перед ним все же сидел маленький мальчик, повзрослевший слишком рано, поэтому получилось как-то слишком мягко и снисходительно.

— Позвольте мне оставить последний дар Обито. — Сразу и без обиняков заявил Хатаке, упрямо сжимая чашку в своих руках и не отводя взгляда от Фугаку. — Это была его последняя воля, я не могу... Я должен защитить Рин, и для этого мне нужна, также это... я... просто...

Под пристальным взглядом подросток смешался, явно поняв свою оплошность. Никто из клановых (а именно клановым Хатаке и являлся) никогда не начинал разговор, прежде не поняв точно, что ему надо. Аргументы, слова, доводы. Все это вбивали в детей с самого детства.

— Не волнуйся. — Вдруг сказал Джонатан, внезапно понимая, как сильно нервничает сейчас мальчишка. Да, он джонин, да, он многое пережил и наверняка в обычное время даже не задумывается над тем, как правильно донести до собеседника свою мысль, но он по-прежнему остается ребенком. Тем, кто недавно пережил смерть друга. — Я понимаю, что для тебя значит этот дар... Но, сам понимаешь, что клановые додзюцу это не то, что мы можем раздаривать друг другу, словно простую вещь, как это сделал Обито...

Сальери жестом прервал попытавшегося сказать что-то Какаши. Мальчик сбросил свою маску и сейчас просто пытался защитить то, что было ему дорого. Это было видно по его глазам, в которые Джонатан смотрел не отрываясь, это было видно по судорожно сжатым пальцам. Маленький аристократ, который и воин также. Его путь — это путь шиноби. Осознание этого пришло также внезапно, как и понимание того, что это просто ребенок. Какое противоречие!

— Но Обито также являлся членом нашего клана, хоть и был сиротой. А Учиха никогда не принимают поспешных или необоснованных решений. Как Хатаке ты унаследовал свои клановые особенности, Обито тоже. Но как ты не стал делиться с ним клановыми секретами, так и он не имел на это права. Тем не менее... он это сделал. — Взгляд Сальери стал строг и суров. — Надеюсь, ты понимаешь, что теперь несешь ответственность не только за свой клан, но и за частичку клана Учиха тоже. И этот дар является для тебя и проклятьем тоже. Ты это понимаешь?

— Да. — Твердо ответил Хатаке.

— Мы готовы научить тебя обращению с нашим додзюцу, дать определенные знания и обучить всему необходимому. Ты не получил оба глаза, так что многое мы тебе дать не сможем, но и то что можем — уже большая честь. Ты не сможешь рассказывать никому о том, что видел и чему учился. Ты не сможешь использовать Шаринган без разрешения приставленного к тебе сенсея. Первое время ты будешь жить, спать и думать как Учиха. Пути назад не будет, а шанс — единственный. Если откажешься, мы будем вынуждены...

— Нет. Я согласен. — К облегчению Фугаку, не дал договорить Какаши. Он не кричал, не утверждал, но чувствовалась в его словах сила и решимость. — Если это позволит защитить Рин и исполнить волю Обито, то я согласен.

— Это хорошо. Но я все равно дам тебе время подумать. В понедельник дашь ответ. — Фугаку вышел из комнаты, направляясь за договором, который старейшины не просто вытрясли с него днем, но и сами проверили и перепроверили. Им претила мысль о том, что кто-то помимо Учиха будет учиться клановым способностям, но и от столь лакомого кусочка как Какаши отказаться не могли. Вернувшись с договором, он протянул его Хатаке. — Ознакомься и реши для себя, действительно ли ты хочешь этого.

Микото вернулась почти сразу же после того, как ушел Минато с командой. Намикадзе, хоть и молчал весь разговор, позволяя Какаши самому решить, явно не был доволен ультиматумом клана. Поэтому Фугаку пришлось терпеть его испытывающий взгляд всю беседу, а это тоже определенная трата нервов, поэтому к возвращению супруги Джонатан был напряжен настолько, что казалось еще чуть-чуть и что-то внутри него лопнет.

О гостях жена спрашивать не стала, молча начиная приводить дом в изначальный порядок. Она чувствовала напряжение Фугаку, хотела помочь и, примерно представляла, как она сможет это сделать, не выпытывая у него детали произошедшего, но все равно не знала, как

подступиться к супругу.

После того, как она закончила уборку, то просто подошла, садясь позади и начиная делать легкий массаж. Тишина угнетала.

— Последнее время ты отдалился. — Коротко заметила Микото, спустя некоторое время. — Я что-то не так сделала?

— Нет, прости. — Тут же среагировал Фугаку, ловя ее ладонь и прижимаясь к ней щекой. — Просто... очень устал.

— От чего? — Осторожно спросила она.

— От... реальности. — Вдруг улыбнулся он, поднимая голову так, чтобы встретиться с ней взглядом. Потом его рука вдруг взлетела и мягко притянула Микото, их губы почти соприкоснулись. — Поможешь?

Эта ночь действительно будет длинной.

<http://tl.rulate.ru/book/38968/848416>